

На правах рукописи

Самигулов Гаяз Хамитович

**ЧЕЛЯБИНСК XVIII–XIX ВВ.:
НАСЕЛЕНИЕ, ПЛАНИРОВКА,
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА**
(по данным археологии и письменных источников)

07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2005

Работа выполнена в Государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Голдина Римма Дмитриевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Шутова Надежда Ивановна
кандидат исторических наук
Корчагин Павел Анатольевич

Ведущее учреждение: ГОУВПО «Челябинский государственный
университет»

Защита состоится «_____» _____ 2005 года в _____
часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адре-
су: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан «_____» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

Общая характеристика работы.

Актуальность исследования. Несмотря на то, что в последние десятилетия изучение культурного слоя XVII–XIX вв. различных населенных пунктов принимает все более широкий характер, до сих пор нет работ, обобщающих материалы подобных исследований. Работы по археологии русских позднего периода (XVII–XIX вв.) представлены отдельными статьями. Тем не менее, именно археологические исследования дают возможность получить датированный материал и сделать некий срез материальной культуры населения доэтнографического периода. Этнографические исследования на Южном Урале и в Зауралье, за редким исключением, зафиксировали ситуацию материальной культуры индустриального периода, причем лишь для сельской местности. Не изучена материальная культура Урала и Зауралья XVIII–XIX вв. – времени перехода к индустриальному периоду, подразумевающему, кроме наличия металлургических предприятий, появившихся в регионе еще в XVIII в., существование мануфактурного, артельного производства, получившего развитие в конце XIX в. В письменных источниках содержатся названия вещей и построек, но нет их подробного описания, поскольку для современников они были обыденны, и смысла в их детальном разборе не было. Зачастую одним понятием объединялись вещи одного назначения, но имеющие различия, например, горшками называли и глиняную посуду и чугунную. Это явление относится не только к вещам – для Зауралья XVII–XVIII вв. характерно, что русскими называли всех православных, независимо от происхождения. Материалы археологических исследований дают возможность детализировать и дополнить данные письменных источников, а иногда уточнить либо поправить неверные прочтения. Представленная работа – одна из первых, построенных на материале периода до последнего времени довольно слабо изученного археологически и выходящего за рамки собственно этнографических исследований, – XVIII–XIX вв. Использование данных археологии, в сочетании с материалами письменных источников, позволяет уточнить, а в некоторых случаях изменить наши представления о материальной культуре русского населения Урала и Зауралья этого времени.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является г. Челябинск XVIII–XIX вв. Исследование основывается на данных археологического изучения одного населенного пункта – Челябинской крепости, позже города Челябины, Челябинска и архивных ма-

териалах. Предмет исследования довольно широк и включает в себя различные вопросы: формирование и состав населения Челябинска XVIII–XIX вв.; развитие планировки, как города в целом, так и отдельных дворов; бытовая утварь населения Челябинска указанного периода; погребальный обряд и культовая пластика XVIII в.

Хронологические рамки исследования. Временной период, рассматриваемый в работе, обусловлен несколькими моментами. Нижняя хронологическая граница исследования – 1736 г. – дата основания Челябинской крепости, совпадает с началом русской колонизации Зауральской Башкирии. Фактически с этого времени на данной территории начинает формироваться постоянное русское население. Верхняя граница – конец XIX в. – является уже периодом этнографическим, кроме того, в силу развития производства, прокладки железной дороги и более активного вовлечения населения Челябинска в общероссийские товарные отношения, к этому времени в значительной степени теряют значение домашние ремесленные традиции, и материальная культура жителей города сближается с таковой других городов России, в первую очередь, Урала и Западной Сибири. В это время в быту преобладающее положение занимают утварь и инструменты заводского и мануфактурного производства.

Территориальные границы исследования. В рамках указанного хронологического периода рассматривается материальная культура жителей одного населенного пункта, а именно Челябинской крепости, позднее г. Челябинска. Это единственный населенный пункт Южного Урала и Зауралья, культурный слой которого достаточно хорошо изучен археологически, что позволяет рассмотреть материальную культуру его населения. К тому же, история образования Челябинской крепости и формирования ее населения в XVIII в. является типичной для целого ряда населенных пунктов, возникших в Зауральской Башкирии в 1730–1740-х гг.

Цель исследования. В ходе настоящей работы предполагается выявить характерные черты, особенности и изменения материальной культуры населения г. Челябинска на протяжении XVIII–XIX вв. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1. Рассмотреть процесс формирования населения Челябинска XVIII в., его сословный состав и районы исходного проживания первопоселенцев крепости. Эта информация может быть использована при интерпретации материала и объяснении его особенностей.

2. Изучить общее развитие планировки Челябинской крепости, позже города, ее изменение; планировку усадеб и развитие бытовой архитектуры, ее элементы, являющиеся отражением локальных традиций и общих градостроительных процессов в России, по материалам археологии и архивным данным.

3. Рассмотреть бытовой инвентарь из культурного слоя Челябинска и проследить его изменения на примере категорий находок, традиционно являющихся зеркалом изменений материальной культуры, таких как глиняная посуда и топоры.

4. Проанализировать погребальный обряд населения Челябинска XVIII в., его особенности.

Источники. Основным источником информации представляемой работы являются материалы археологических исследований культурного слоя города Челябинска XVIII–XIX вв., производившихся на участках новостроек в историческом центре города. Исследования проводились, в основном, специалистами Археологического научно-производственного предприятия (с 1998 г. – Археологический научный центр). В итоге работ, проводившихся с 1992 г., собрана информация, позволяющая делать некоторые обобщения и достаточная для проведения исследования по материальной культуре населения города.

Кроме археологических материалов, для решения ряда задач привлекались архивные данные по истории Челябинска. Были использованы документы из фондов Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). К сожалению, количество материалов по периоду 1736–1774 гг. в местном архиве минимально – архив был сожжен вместе с канцелярией Исетской провинции в 1774 г., когда Челябинск был взят пугачевцами отряда Ивана Грязнова. Относительно благополучна ситуация с документами периода 1780-х гг. – конца XIX в., хотя заметны огромные лакуны.

Весьма информативными оказались материалы некоторых фондов ОГАЧО. «Челябинская городская дума» (Ф. И-1): документы, содержащиеся в фонде, касаются самых разных сторон жизни города и отдельных жителей – от отвода земли под постройку дома и ремонте моста через реку, до ежегодных сведений о ценах на товары и списков промышленных предприятий Челябинска; «Челябинская городская управа» (Ф. И-3): с 1870-х гг. практически все вопросы, которые до этого находились в ведении думы, оказались прерогативой городской управы; «Челябинский мещанский староста» (Ф. И-6): едва ли

не единственный фонд ОГАЧО, в котором сохранились документы середины XVIII в.; «Челябинский сиротский суд» (Ф. И-14): кроме всего прочего, фонд содержит дела об опеке над имуществом малолетних наследников, в которых есть подробные описи имущества; в фонде «Челябинское городническое правление» (Ф. И-15) есть ряд документов по планировке города; фонд «Челябинское духовное правление» (Ф. И-33) содержит церковную отчетность по составу населения, по вероисповеданию, правда, только с 1780-х гг.; фонд «Челябинский уездный землемер» (Ф. И-46): материалы по отводам земли в городе, перепланировке Челябинска и пр. Кроме этого, привлекались некоторые материалы из фондов «Правление Кыштымских горных заводов» (Ф. И-172) и «Правление Златоустовских горных заводов» (Ф. И-227). В этом случае нас интересовали документы по продаже металла с заводов.

Кроме того, использовалась информация исследований и публикаций по этнографии русских. Привлекались данные публикаций по итогам исследований русских памятников эпохи средневековья и позднего периода в Урало-Сибирском регионе и в целом по России. Также был использован широкий круг источников различного характера: краеведческие изыскания, справочная литература, энциклопедии и пр.

Методология и методика. Методологической основой работы является культурно-исторический подход, подразумевающий, в данном случае, рассмотрение различных аспектов материальной культуры населения Челябинска в историческом развитии.

Поскольку, в силу поставленной задачи, материал исследования весьма широк: планировка города, усадеб, строительные приемы, бытовая утварь, погребальный обряд, – в работе использованы различные методические приемы. При рассмотрении археологического материала, его классификации и обобщении данных, применялись индуктивный и формально-типологический методы. Статистический метод использован для выяснения изменений характера керамического материала по хронологическим горизонтам и соотношения ряда признаков погребального обряда XVIII в. Сравнительный метод позволил, соотнеся имеющуюся информацию с материалами публикаций и исследований по Урало-Сибирскому региону и России в целом, определить характерные и специфические для этого времени черты материальной культуры жителей города.

Научная новизна. Это первое в Урало-Сибирском регионе комплексное исследование материальной культуры русского городского населения XVIII–XIX вв. на основании данных археологии. Впервые различные аспекты материальной культуры русского населения Нового времени рассмотрены в тесной связи с особенностями формирования населения, как сословными, так и этнокультурными. Впервые дается картина изменения комплекса материала, особенно керамического, на одном памятнике в течение XVIII–XIX вв.; подробно рассматривается погребальный обряд населения Челябинска XVIII в. и анализируется таковой обряд этого периода по региону.

Практическая ценность. Настоящая работа является первым комплексным исследованием материальной культуры русского городского населения Южного Зауралья XVIII–XIX вв. Материалы данной работы могут послужить основой создания учебного пособия по истории материальной культуры городского населения Южного Урала, или частично включены в подобное пособие по истории материальной культуры русских Урала XVII–XIX вв. Материал из слоя Челябинска, по крайней мере, керамический, несколько анахроничен, поэтому использовать его как эталонный при археологическом изучении других городов сложно, тем не менее, данные этой работы могут быть использованы при сравнительном анализе данных с других русских поселений Урало-Сибирского региона.

Апробация основных положений диссертации проведена на международных, всероссийских и региональных конференциях в Ижевске, Омске, Новосибирске, Перми, Челябинске. Отдельные вопросы настоящего исследования рассмотрены в 11 статьях и тезисах.

Состав работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения, в котором помещены копии архивных документов, рисунки и фотографии.

Содержание работы.

Во введении рассмотрены актуальность работы, ее цели и задачи, методология и методика.

Глава 1 посвящена подробной характеристике источниковой базы и рассмотрению изученности темы. Источники делятся на две группы – археологические (преимущественно неопубликованные материалы отчетов) и письменные, в том числе неопубликованные архивные материалы и опубликованные документы.

Материалы археологических исследований можно разделить на две категории: вещевой материал из культурного слоя и чертежи, фотографии, описания планиграфии и стратиграфии раскопов, отдельных объектов, зачисток обнажений. Первая категория несет информацию о бытовом инвентаре, утвари, инструментах, личных предметах культа и пр.; вторая – о планировке города, усадеб, строительных приемах, типах построек и т.д. При изучении любого памятника возникает вопрос хронологии. При проведении исследований в Челябинске мы не имели возможности датировать материалы и объекты по аналогии, поскольку, во-первых, памятников, синхронных культурному слою Челябинска, исследовано немного и материалов для такой датировки недостаточно; во-вторых, материал из слоя Челябинска, особенно керамический, несколько архаичен, что делает невозможным корректную датировку по аналогии материала. Датировка производилась по различным признакам и источникам информации: 1. По монетам; 2. По архивным материалам; 3. По стратиграфии; 4. По характеру материала.

Письменные источники, использованные в диссертационном исследовании, содержат информацию по различным аспектам рассматриваемой темы. В первую очередь, необходимо отметить материалы, содержащие данные по формированию населения Челябинска, его сословному и конфессиональному составу, ремесленным занятиям. Важную роль играют письменные источники, содержащие описания усадеб и домов, отражающие историю планировки Челябинска XVIII–XIX вв., развитие тенденций градостроительства. Часть архивных документов дает представление об особенностях развития материальной культуры населения города, составе бытового инвентаря в хозяйствах горожан. При этом информация, содержащаяся в письменных источниках, носит, зачастую, довольно общий характер, и лишь использование ее в сочетании с данными археологии позволяет восстановить облик материальной культуры населения Челябинска того времени.

Тема материальной культуры русских XVIII–XIX вв. на археологическом материале практически не рассматривалась. Специфика исследования определила охват литературы. Поскольку отправной точкой формирования материальной культуры населения Челябинска XVIII–XIX вв. являлась средневековая русская культура, в диссертации использованы как обобщающие работы по средневековой русской археологии из серии «Археология СССР», так и

отдельные статьи по итогам исследований средневековых памятников таких авторов как: Рабинович М.Г., 1949, 1953, 1971; Голубева Л.А., 1949; Шеляпина П.С., 1971 и др. С другой стороны, были использованы обобщающие этнографические работы: «Русские», 2003; «Этнография русских крестьян Сибири», 1981; «Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX вв.», 2001.

Весьма важны работы по итогам изучения поздних русских памятников. Часть из них представляет собой публикации материалов исследований различных памятников (Корчагин П.А., 1998; 2001; Курлаев Е.А., 1998; Погорелов С.Н., Святлов В.Н., 2002; Святлов В.Н., Старков А.В., Чаиркин С.Е., 1997; Алексеев А.Н., 1996; Скобелев С.Г., 1999; 2002; 2004; Воробьев А.А. 2001; 2002; Колонцов С.В., Воробьев А.А., 2001; Воробьев А.А., Троицкая Т.Н., 2000; Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., 2002; Троицкая Т.Н., Воробьев А.А., 2001). В ряде работ, преимущественно, прикамских авторов, обобщены результаты исследований (Оборин В.А., 1951; 1954; 1975; 1986; 1990; Макаров Л.Д. 1990; 1998; 2001; 2002; 2003; Соколова Н.Е., 2002; Кернер В.Ф., Пархимович С.Г., 1986).

При рассмотрении вопроса формирования населения Челябинска использованы материалы исследований по истории русской колонизации Урала и Сибири (Шунков В.И., 1946; Кондрашенков А.А., 1966; Оборин В.А., 1990; Преображенский А.А., 1972). Различные аспекты истории Челябинска отражены в ряде книг и статей (Челябинск: десять путешествий по городу, 1971; Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. 1986; Моисеев А.П., 1988, Иванцова М.Я., 1961; «Дореволюционный Челябинск в слове современников», 1997; Чернавский Н.М., 1993; Дегтярев И.В., 1996). Две последних книги особенно важны и интересны, поскольку их авторы целенаправленно и системно занимались историей Челябинска, ими собран значительный документальный материал; в частности, И.В. Дегтярев выявил документы, касающиеся основания Челябинской крепости, а также списки ее первопоселенцев.

Археологические и письменные источники дополняют друг друга, хотя неполнота архивных фондов часто ощущается при попытках найти необходимую информацию. Тем не менее, использование археологических и письменных источников, а также публикаций по итогам исследований истории материальной культуры русских, позволяет в большинстве случаев довольно уверенно интерпретировать ма-

териалы и представить динамику изменений материальной культуры населения города Челябинска в течение XVIII–XIX вв.

В **главе II** рассматривается история основания Челябинской крепости, формирование ее населения, численность и состав населения в XVIII – середине XIX в. Челябинская крепость, основанная в сентябре 1736 г., стала одним из первых населенных пунктов, построенных в ходе русской колонизации Зауральской Башкирии. Созданный как крепость с довольно большим (около 1500 человек) населением, Челябинск «избежал» некоторых типичных для других уральских и сибирских городов моментов при формировании населения. Во-первых, население складывалось не в течение многих лет, а было сформировано, в основном, в первый же год существования крепости. Во-вторых, вместе с постепенностью наполнения он был лишен сословной разнородности первоначального населения. Не было значительного притока служилых, посадских; подавляющее большинство жителей Челябинска середины XVIII в. – казаки, набранные из зауральских крестьян и гулящих людей, т.е. тех же крестьян, не положенных в подушный оклад. Более того, основной приток нового населения в 1740–1750-х гг., около 150 семей, составляли также крестьяне – выходцы из зауральского Шадринского дистрикта. Разумеется, какое-то количество купцов и посадских поселилось в Челябинской крепости в начальный период ее существования, но они составляли весьма небольшой процент от общего числа населения.

В сословном составе населения Челябинска в течение XVIII–XIX вв. происходили постепенные изменения. На начальном этапе существования крепости подавляющее большинство ее жителей составляли казаки. После 1743 г., с переводом в Челябинск канцелярии Исетской провинции, начался приток купечества и цеховых. В дальнейшем, переселение казаков в новые крепости Уйской линии на границе с землями киргиз-кайсаков и в деревни вокруг Челябинска сочеталось с притоком цехового и мещанского населения, преимущественно, из городов Урала и Зауралья, а также Поволжья и, с начала XIX в., с территории Центральной России, а позже и из западных областей Российской империи. Кроме того, часть казаков и крестьян ближних деревень переходила в мещанское сословие. К концу XVIII в. казачьих дворов в Челябинске было меньше, чем дворов мещанских. Но еще в начале XIX в. большую часть населения города составляли выходцы из районов Зауралья, Прикамья и Поморья.

В вопросе формирования населения Челябинской крепости, кроме сословного, есть еще и региональный аспект. Половина записавшихся в казаки Челябинской крепости крестьян были выходцами из ближайших зауральских слобод и деревень. А население Южного Зауралья («теченских слобод крестьяне»), в свою очередь, формировалось за счет выходцев из Поморья и Прикамья, причем бывшие прикамские жители составляли как минимум половину переселенцев. Из числа гулящих людей, т.е. не потомственных зауральских крестьян, записанных в казаки Челябинской крепости, можно выделить три группы по месту их первоначального выхода: уроженцы Архангелогородской губернии, выходцы из Прикамья и бывшие жители Среднего Поволжья. Жителей центральных и северо-западных областей России – единицы.

Таким образом, подавляющее большинство населения Челябинской крепости в XVIII в. составляли казаки – вчерашние крестьяне, преимущественно выходцы из Поморья, Прикамья и со Средней Волги. Это во многом определило особенности материальной культуры населения Челябинска.

По конфессиональному признаку Челябинск XVIII – первой половины XIX в. – город православный, некрещеных «инородцев» – считанные единицы. Сложнее выяснить реальное количество старообрядцев. Можно лишь утверждать, что в 1782 г. по приходам двух Челябинских церквей на 7015 человек приходилось 378 официальных старообрядцев, плативших двойную подушную подать (ОГАЧО, ф. И-33, оп. 1, д. 220, л. 72–83об.). Восстановить общее число «уклонившихся в раскол» не представляется возможным.

Основным занятием жителей Челябинска еще в первой трети XIX в. было земледелие. Получили развитие кожевенный, мукомольный, мыловаренный и салотопенный промыслы, действовало несколько кузниц. Основная масса мещан, имевших какое-либо производство, совмещали его с занятием торговлей. До середины XIX в. в архивных документах не указываются гончары, очевидно, потребности в глиняной посуде удовлетворялись за счет покупки изделий на ярмарках, а также за счет домашнего производства. На последний факт указывает то обстоятельство, что значительная часть керамики из слоя XVIII – начала XIX в. довольно грубо изготовлена, и формы изделий заметно отличаются на объектах в разных частях города, что может быть следствием разных локальных традиций керамического производства.

Глава III посвящена истории планировки Челябинска XVIII–XIX вв., градостроительным процессам и развитию усадеб этого периода.

1. Кварталы и улицы города XVIII–XIX вв. Планировка Челябинска на самом раннем этапе, очевидно, была обычной для крепостей такого рода: собственно крепость квадратной формы с деревянной стеной-заплатом, угловыми бастионами и двумя проездными башнями; выше и ниже по реке, примыкая к крепости, располагались посад или слобода, обнесенные рвом и изгородью. Участки под дворовые места по регламенту Исетской провинции 1743 г. имели размеры 8 x 12 сажен.

В 1768 г. был составлен план на город Челябинск, скорее всего, проектный. Статуса города Челябинская крепость официально не имела, но считалась городом де-факто, являясь центром провинции. Очевидно, это был первый план после основания крепости, по которому производилась перепланировка улиц. Трудно указать причины, но четкой «регулируемости» города не получилось – на плане 1784 г., зафиксировавшем реальную планировку, показаны кварталы, далекие от геометрической выверенности. Вновь выделяемые участки под дворовые места уже в 1770-х гг. зачастую превышают указанные в 1743 г. нормы. В 1784-м, 1798-м и в 1819-м гг. составляются проектные планы на г. Челябинск, но перепланировка города не осуществляется – скорее всего, на нее просто не было денег. Все мероприятия такого рода оплачивались из городской казны. Челябинск, после ликвидации в 1781 г. Исетской провинции и перехода в разряд уездного города, испытывал демографический спад, в конце XVIII – начале XIX в. население города уменьшилось более чем в 2 раза. Численный состав населения восстановился только во второй половине XIX в. Финансовое положение города иллюстрируют некоторые факты: в конце XVIII – середине XIX в. в Челябинске так и не было построено ни одного здания, предназначенного для размещения органов управления; городническое правление, почтовая станция, уездное казначейство размещались в домах, арендованных у населения. В таких условиях проводить перепланировку города было мало реально.

В 1838 г. Николаем I был утвержден очередной проектный план г. Челябинска, который и претворялся в жизнь. Обустройство города по этому плану продолжалось еще в начале XX в. «Неплановые переулки», т.е. улицы, существовавшие с XVIII в., фигурируют еще в документах 1916 г.

Для дорожного покрытия улиц с середины XVIII в. использовали речной песок и дресву. Дресву брали на каменоломнях, кото-

рые находились рядом с городом, в Челябинском бору, сейчас это парк им. Ю. Гагарина. В низких подболоченных местах, где песчаная подсыпка перемешивалась с грязью, использовали принцип гати – на продольные лаги набрасывали тонкие жерди и ветки. Камень для мощения улиц начали использовать во второй половине XIX в., но к 1908 г. было замощено всего три улицы.

2. Дворы и постройки челябинцев по письменным источникам. Архитектурный облик Челябинска в XVIII – начале XIX в., в основном, определялся строительными традициями, принесенными крестьянами, записавшимися в казаки. Дворы огораживались заплотами, огороды частоколом, реже плетнем или пряслом. Обычный тип двора, существовавший с XVIII по середину XX в., – замкнутый двор, с домом, расположенным вдоль, реже перпендикулярно улице, вход в дом устраивался со двора; хозяйственные постройки размещались по периметру двора; за двором располагался огород или, позже, сад. Самым распространенным типом жилого дома в XVIII – начале XIX в. была связь изба–сени–клеть или изба–сени–горница; немало было и двухчастных домов – изба–клеть или изба–сени. Некоторые дома ставились на подклетах, так в 1782 г. в Челябинске значилось 48 верхних горниц. Строились также двухуровневые хозяйственные постройки: «завозня, на ней сарай», но в большинстве случаев застройка была одноуровневая – поземные избы и горницы, без подклета, и такие же хозяйственные постройки. Трехсвязный тип жилого дома, как и незакрытый двор, Г.Н. Чагин относит к традициям, принесенным населением из районов Нижнего Прикамья и Поволжья (Чагин Г.Н., 1995а. С. 204–205). Крыши в XVIII в. крыли преимущественно дранью, реже берестой (берестом, скалой), тесовые крыши были редкостью. Железо в качестве кровельного материала начали использовать с XIX в., позволить это себе могли лишь зажиточные люди.

Камень в строительстве начали использовать со второй половины XVIII в. Сначала, видимо, сооружались каменные погребки, иногда под домом, но дом при этом мог строиться и не на каменном фундаменте, а на подклете: «под верхней горницей подвал в коем пол каменной». Дома на каменном фундаменте в конце XVIII в. появляются у зажиточных горожан. В общественном строительстве камень начали использовать в середине XVIII в. при возведении Христорождественского собора. Затем, в конце XVIII – первой трети XIX в. была построена каменная Троицкая церковь. Первые «каменные», т.е. кирпичные двухэтажные дома были построены в 1770–1780-е гг. К этим трем до-

мам в 1808 г. добавился каменный дом с мезонином И.И. Ахматова, и до 1840-х гг. это были все каменные строения Челябинска, не считая нескольких лавок в Гостином дворе.

3. Дворы и постройки Челябинска XVIII–XIX вв. по данным археологии. В целом, археологические исследования подтверждают, что основным типом организации усадебного пространства в Челябинске был замкнутый двор с жилым домом, выходящим к улице, и хозяйственными постройками по периметру, обнесенный заплотом, а позже забором. Основным приемом строительства домов – сруб в обло, с выпуском концов бревен. Причем так рубились не только жилые постройки, но и погреба. Заплоты сооружались в забирку, иногда при строительстве хозяйственных построек применялось сочетание рубки углов в обло и набора в забирку. Большую роль играла береста, ею крыли хозяйственные постройки, а иногда избы; она использовалась при сооружении погребов как гидроизолирующий материал; из бересты делали часть утвари, в частности, посуду. Очевидно, в ранний период существования крепости многие семьи жили в землянках – срубках, опущенных в котлованы, углубленные на 1–1,7 м. Землянки были своеобразными временками – временными жилыми постройками, которые после строительства капитального дома переходили в разряд теплых служб. «Временки» или «малухи» (правда, не землянки, а чаще засыпные или из бруса) до сих пор стоят в некоторых дворах на окраинах Челябинска. В 1782 г. в Челябинске оставалось 7 жилых землянок. Очевидно, в первые годы существования крепости их было больше. Вполне возможно, что некоторые из срубных построек XVIII в., углубленных в землю, первоначально были жилыми, а потом стали использоваться как погреба. В этом случае вполне объяснимо, почему нет остатков печей – их разбирали, чтобы не занимали полезное место, не мешали.

Углубленные хозяйственные постройки сооружались различными способами. Одним из архаичных способов крепления стен является плетень, в Челябинске объекты со следами такого оформления встречаются редко. Более часты находки срубных погребов, углы которых обычно соединяются в «обло». Дощатые конструкции, скорее всего, были распространены в большей степени, но до нас дошло не так много объектов раннего периода истории Челябинска с остатками обшивки стен досками. С конца XVIII в. зажиточные жители города начали строить каменные погреба, иногда со ступенчатым спуском. Гораздо чаще каменные погреба имели небольшие размеры, в среднем 2 x 2 м, и спускались в них

через люк сверху. Широкое строительство каменных погребов в Челябинске начинается ближе к середине XIX в. В конце XIX в. состоятельное население строит дома со сводчатыми подвалами.

В целом, жилищная застройка Челябинска XVIII–XIX вв. развивалась в общем русле градостроительных тенденций Урало-Сибирского региона, возможно, с некоторым отставанием в области каменного строительства. Общественное строительство в городе после ликвидации Исетской провинции и создания Челябинского уезда ограничивалось ремонтом и перестройкой моста и плотины через Миасс и мостиков через ручьи.

В главе IV рассматривается бытовая утварь, инвентарь и инструменты. Если строительные традиции жителей Челябинска вполне соответствуют общим тенденциям, характерным для населения Среднего Урала и лесостепной части Западной Сибири этого времени, то в бытовой утвари, в первую очередь, глиняной посуде, сохраняются довольно архаичные, по сравнению с городами Прикамья и восточного склона среднего Урала, формы.

1. Керамические изделия. Всего было рассмотрено 5500 фрагментов керамики, в том числе 187 археологически целых сосудов. Из объектов XVIII в. происходит 565 фрагментов (48 археологически целых сосудов); из слоя и объектов конца XVIII – начала XIX вв. – 405 фрагментов, 29 сосудов; середины XIX в. – 2130 фрагментов, 40 сосудов; конца XIX – начала XX в. – 2400 фрагментов, 70 сосудов. Керамическая посуда из слоя Челябинска условно поделена на три группы: 1. «Архаичная»; 2. «Московская»; 3. «Поливная». Посуда 1-й группы преобладает в слое XVIII – начала XIX в.; к середине XIX в. ее почти полностью вытесняет «московская» керамика; с середины XIX в. начинает стремительно увеличиваться количество поливной керамики в слое – к концу XIX – началу XX в. она составляет более 50 % остатков глиняной посуды в слое.

Керамика XVIII в. из слоя Челябинска довольно архаична: не менее 50 % изделий – сосуды ручной лепки с доводкой внешней поверхности на круге, часть сосудов довольно грубой ручной лепки. В составе теста присутствуют примеси песка, мелкого галечника; реже керамика имеет в тесте примеси слюды, дресвы, шамота или органики. Практически вся керамика XVIII в. обожжена в окислительной среде; основная масса находок имеет цвет различных оттенков коричневого (от красно-коричневого до серо-коричневого) или красный; провести

границу между красно-коричневым и красным цветом обжига зачастую проблематично. Меньшая часть находок керамики этого периода имеет серый цвет поверхности, который является не следствием восстановительного обжига, а использования при обжиге смолистых дров («надымление») либо погружения сосуда сразу после обжига в органическую среду («обвара»). Это подтверждается коричневым цветом черепка на изломе – серый или серо-черный цвет имеют тонкие слои, прилегающие к поверхности. Скорее всего, для достижения серо-черного цвета использовали «обвару» – серый цвет в ранних слоях имеют преимущественно кринки, которые из-за их небольшого размера удобнее было окунать в «гущу». Еще одна характерная черта керамики раннего периода – разнообразие оформления верхнего края сосудов при преобладании тонких или заостренных венчиков.

Посуда второй группы, «московская» встречается в слое XVIII в. довольно редко и составляет менее 10 % от общего количества находок глиняной посуды из датированных объектов. Признаки этой группы керамики: плотное тесто с примесью песка и мелкого галечника, возможно, естественной; изготовление на круге – внешняя и внутренняя сторона заглажены, нет бугров, следов стыка жгутов и пр.; цвет поверхности у основной массы посуды серый или серо-черный, при этом цвет на изломе, обычно, коричневый, реже серый или черный; менее 1 % сосудов имеют красно-кирпичный или ярко-красный цвет; венчики практически всех сосудов имеют валикообразное утолщение, образованное за счет загиба верхнего края сосуда. Характерно практически полное отсутствие (за редким исключением) керамики восстановительного обжига, с серым на изломе черепком. К середине XIX в. посуда этой группы абсолютно преобладает в слое, хотя возможно, в заполнении некоторых объектов этого времени остатки посуды первой группы будут составлять большую часть керамического материала.

Поливная керамика отличается от двух первых групп хорошо вымученным, плотным тестом практически без примесей; цвет черепка на изломе – от светло-розового до ярко-красного; редко поливной черепок на изломе имел белый, в нескольких случаях – коричневый цвет. Преобладающая цветовая гамма глазури – различные оттенки зеленого или коричневого, редко встречается керамика с красной или желтой глазурью.

Скорее всего, в XVIII в. жители Челябинска покупали керамическую посуду на ярмарках (более качественная круговая посуда) и изготавлива-

ли в домашних условиях. Специализированных гончарных мастерских в самом Челябинске не было, производством глиняной посуды занималось сельское население. И та, и другая посуда изготавливалась в русле традиций, принесенных из прежних районов проживания. Поскольку население города формировалось, в основном, за счет крестьянства, то традиции были довольно архаичны, а широкая география исходных мест проживания обусловила разнообразие форм посуды. В XIX в. происходит переход к «московской» керамике, причем это явление характерно не только для Челябинска, но, скорее всего, для всего Южного Зауралья. Поливная посуда, быстро распространившаяся с середины XIX в., изготавливалась как в частных мастерских, так и на государственных, в частности, изразечных заводах. Очевидно, что внешняя привлекательность, удобство и относительная дешевизна делали эту посуду более конкурентоспособной, и к концу XIX в. она в значительной степени вытеснила серую посуду; часть неполивной посуды в это время начинает использоваться не по назначению – как цветочные горшки и тара для хранения краски, извести и пр.

2. Изделия из металла. Металлический инвентарь из слоя Челябинска достаточно разнообразен, но в значительной степени характерен для любого населенного пункта этого периода. В формировании набора металлической утвари населения города огромную роль сыграло бурное развитие горнозаводской промышленности Урала с середины XVIII в. Как показывают архивные документы, уже к началу XIX в. в заводских лавках предлагался весьма разнообразный ассортимент изделий из чугуна и железа: разнообразная посуда, предметы упряжи, детали к печам, оси и подоски к телегам, ножи, топоры и т.д. Заводской товар продавался и в лавках Челябинска. Кроме того, дешевый бракованный металл с заводов стал основным сырьем для кузнецов из населенных пунктов Урала, что сделало невыгодным самостоятельную разработку железных руд. В связи с указанными обстоятельствами довольно сложно судить о том, какие из бытовых предметов являются продукцией местных кузнецов, а какие сделаны на заводах, поскольку железные изделия и там и там изготавливались кузнечным способом. Относительно чугунной посуды подобных сомнений не возникает, вся она заводского производства, и уже в конце XVIII в. количество различных чугунных «горшков», «тазов», «полоусных чугунок» в хозяйстве состоятельных челябинцев было весьма значительно, хотя основную массу металлической посуды составляли чугунные «горшки», «латки» и треножки.

Из всей железной утвари, в основном, довольно стандартной по форме, выделяются разнообразием топоры. Отсутствие публикаций по черному металлу с русских памятников позднего периода затрудняет анализ – эти изделия, по большому счету, не с чем сравнивать. Тем не менее, некоторые выводы можно сделать. Два топора с оттянутым нижним концом из челябинской коллекции, по форме напоминают новгородские 3-го типа, но при этом они имеют серьезные отличия – огромная проушина, занимающая до 80 % высоты топора, практически уничтожает границу между обухом и рабочей частью, сплошной остается лишь рубящая кромка, лезвие. Большая часть топоров имеет формы, либо переходные от русских топоров XVII в. к современным, либо уже фактически близкие к современным. Выделяются два клиновидных инструмента со слабо расширяющимися лезвиями – точных аналогий им в опубликованных русских материалах не найдено, но подобные топоры характерны для средневековых культур Прикамья.

В целом, наличие относительно недорогих заводских изделий не могло не сказаться на наборе инвентаря в хозяйстве челябинцев; на некоторой стандартизации форм изделий, в частности, топоров; видимо, этот фактор должен был привести также к сужению ассортимента изделий частных кузниц.

Общее увеличение количества видов бытовой утвари, характерное для XVIII–XIX вв., естественно проявилось и в материале из слоя Челябинска. Наряду с традиционным инвентарем – ножами, инструментом, дверными ручками, пробоями и жиковинами, прочими хозяйственными вещами, деталями вооружения и украшениями, появляются металлические ложки, трезубые вилки.

3. Изделия из фарфора, фаянса, стекла, дерева. Фарфоровая, фаянсовая посуда и изделия из стекла появляются в обиходе челябинцев в XVIII в., хотя и в небольших количествах. Однако, в слое XVIII в. находки такого рода крайне редки. Заметным количеством фарфора и фаянса становится в заполнении объектов и слое середины – второй половины XIX в. К концу XIX в. разнообразие стеклянной и фарфоровой посуды уже очевидно.

Глава V посвящена описанию погребального обряда XVIII в. и предметов культа, найденных в ходе проведения археологических исследований культурного слоя.

1. Места выявления погребений XVIII в. в Челябинске, краткое описание. Одной из специфических черт Челябинска XVIII – начала XIX в. ока-

залось обилие кладбищ. Два скопления могил в гробах и колодах, частью обложенных берестой, были выявлены в 1911 и в 1928 гг. на пересечениях современных улиц Коммуны и Цвиллинга, Коммуны и Кирова; кроме этого, имеются свидетельства о двух местах обнаружения погребений рядом с упомянутыми, несколько южнее (Боже В.С., 1997). В 1996 и 2004 гг. выявлено еще два кладбища – на площади им. Ярославского и на углу улиц Кирова и К. Маркса. Часть могил последних двух кладбищ, попадавшая в зону разрушения при проведении строительных работ, была исследована. Ни одно из выявленных кладбищ не было известно по архивным документам, они не показаны на планах Челябинска XVIII в. и не упоминаются в материалах, хранящихся в фонде Челябинского духовного правления.

2. Расположение кладбищ и планировка города, возможность датировки. Кладбище 1, на площади им. Ярославского, обнаруженное в 1996 г., располагавшееся в XVIII в. рядом с церковью Николая Чудотворца, было определено как официальное кладбище Челябинской крепости в период 1740–1766 (1772?) гг. Кладбище 2, выявленное в 2004 г. на углу улиц Кирова и К. Маркса, располагалось за стеной первой крепости (1736 г.) и оказалось в зоне застройки в середине XVIII в. при расширении крепости. Возможно, кладбище относится к периоду 1736–1740 гг., в пользу этого говорит невысокая плотность погребений. Два кладбища, обнаруженные в 1911 и 1928 гг., располагались южнее Челябинской крепости, эта территория начала застраиваться лишь в 1840-х гг. Интерпретировать эти некрополи сложно – один из них, возможно, был старообрядческим, но пока делать какие-либо выводы рано. Предварительно оба кладбища датируются XVIII – началом XIX в.

3. Интерпретация погребального обряда. Ряд черт, выявленных при исследованиях погребений XVIII в. в Челябинске, являются общими для большей части памятников такого рода. Многоярусные погребения, подзахоронения детей во взрослые погребения, разнообразие положений рук погребенных, небольшая глубина большей части могил – эти признаки характерны для кладбищ, исследованных в Прикамье, Свердловской области, Сибири. Можно сказать, что эти моменты кажутся нехарактерными для православных погребений с точки зрения современного человека, но совершенно обычны для России XVII–XVIII вв.

Более информативным представляется оформление погребений. Погребальный обряд, зафиксированный на кладбищах города XVIII в.

неоднороден. Можно выделить погребения в дощатых гробах – в них похоронено подавляющее большинство (около 83 %) взрослых и меньшинство (около 29 %) детей до 10 лет. В колодах похоронено около 8 % взрослых и около 42 % детей. С оборачиванием в бересту или луб, на берестяной подстилке или с покрытием гроба берестой похоронено 15 % взрослых и 30 % детей. Некоторые расхождения в цифрах объясняются тем, что в ряде случаев погребения имели различные признаки, например, гроб, но покрытый берестой, в таком случае погребение учитывалось в двух разных категориях.

Разнообразие погребальной обрядности свидетельствует о сохранении в это время жителями города локальных, принесенных из прежних районов проживания, традиций. В частности, использование бересты и луба, с большой долей вероятности, можно отнести к погребальным традициям выходцев из Прикамья, как русских, так и крещеных финнов. С другой стороны, преобладание архаичных черт в детских погребениях, где соблюдать традиции было объективно легче, возможно, свидетельствует о постепенном вытеснении локальных традиций единой общероссийской – погребения покойников в дощатых гробах.

Д.А. Ражевым был проведен антропологический анализ останков из 99 погребений. В целом, можно констатировать, что население Челябинска XVIII в. жило в трудных условиях, большие физические нагрузки приводили к значительному количеству заболеваний. Отрицательно сказывалось на здоровье неполноценное питание. Все это усугублялось полным отсутствием минимального медицинского обслуживания – первый врач появился в городе только в 1789 г. В силу этих причин, кроме высокой заболеваемости, существовала еще и высокая детская смертность – более половины погребенных кладбища 1 – дети младше 5 лет. Кроме информации о здоровье челябинцев XVIII в., антропологические материалы дают представление об их физическом облике – это довольно невысокие люди, мужчины в подавляющем большинстве ниже 170 см, женщины – ниже 160 см. Антропологический тип, в основном, европеоидный.

4. Кресты-тельники как исторический источник. При рассмотрении погребального обряда XVIII в. и возможности выделения по каким-либо признакам старообрядческих традиций, выяснилось, что для этого времени выявить какие-либо характеристики, позволяющие интерпретировать погребения как старообрядческие, невоз-

можно. Не являются определяющим признаком и кресты-тельники этого времени. При анализе крестов из слоя Челябинска XVIII в. и опубликованных материалов исследований в разных регионах России, выяснилось, что иконография крестов, традиционно трактуемая как «старообрядческая», является преобладающей для XVIII в., вне зависимости от трактовки памятника, старообрядческий он или «никонский». Формы и иконография крестов, бытовавших до XIX в., сложились в XVI–XVII вв., и на протяжении XVIII в. практически все население носило кресты с титлами «Царь Славы». По этой причине использовать кресты-тельники как определяющий признак не представляется возможным.

В **заключении** содержится краткое обобщение материалов по основным разделам, некоторые общие итоги исследований.

Характеризуя общую картину развития материальной культуры населения Челябинска, следует исходить из нескольких факторов, ее определявших. Основная масса населения Челябинской крепости, позже города, это крестьяне из сел и деревень Южного Зауралья, Поморья, Прикамья и Среднего Поволжья. Ряд признаков: погребальный обряд с использованием бересты и луба, формы некоторых топоров, решетчатые и фигурные штампы в орнаментации глиняной посуды, свидетельствуют о наличии среди первопоселенцев значительного процента крещеных финнов Прикамья. Это не противоречит данным письменных источников, согласно которым большая часть первопоселенцев Челябинской крепости – выходцы или потомки выходцев из Прикамья. Количество выходцев из городских сословий составляло незначительный процент в общей массе жителей Челябинска XVIII в. Это определило некоторый архаизм отдельных черт материальной культуры, в основном, форм и технологии изготовления глиняной посуды. В то же время, жители города не могли избежать влияния общероссийских процессов. Развитие градостроительства и формирование единых требований к постройке обывательского жилья, выразившееся в применении примерных фасадов, очевидно, ускорило внедрение каменных фундаментов. Огромное влияние на состав вещевого комплекса, в первую очередь, на долю железных и чугунных изделий в нем, оказало развитие уральской промышленности. Проникали в быт горожан и изделия из фарфора и фаянса, хотя еще в конце XVIII в. фарфоровые чайные чашки названы в документе

«ценинными». Однако, за исключением широкого проникновения в быт заводских металлических изделий, изменения в материальной культуре происходили до середины XIX в. постепенно. С этого времени начинается период довольно быстрых подвижек, которые проявляются в разных сферах. В городе начинается строительство каменных жилых домов, которое с 1880-х гг. принимает широкий размах. Становятся обычным явлением каменные погребя. Архаичная глиняная посуда сменяется «московской» керамикой, которую к началу XX в. в значительной степени вытесняет поливная посуда. В слое середины – второй половины XIX в. в значительных количествах появляются фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, до этого довольно редкие. В середине – второй половине XIX в. материальная культура населения Челябинска выходит на уровень стандартный для городов Урала.

В заключении так же обосновывается необходимость продолжения исследований с расширением территориальных и хронологических рамок исследования, привлечением нового археологического материала и дополнительных письменных источников. Представленная работа является лишь начальным этапом исследований материальной культуры русского населения позднего периода на основании данных археологии.

Основные положения диссертации излагаются в работах:

1. Самигулов Г.Х. Глиняная посуда XVIII – первой половины XIX в. из культурного слоя г. Челябинска // Исторические чтения: Материалы науч. конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска: «Христианство на Урале» (2000), «Вдали от столиц: страницы городского быта» (2001), «Краеведение как явление культуры» (2003) / Сост. Э.Б. Дружинина, И.А. Казанцев. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия, 2004а. – Вып. 7–8. – С. 168–181.
2. Самигулов Г.Х. Городская и индустриальная археология Южного Урала // История археологии Южного Зауралья: Учеб. пособие / В.С. Мосин, С.А. Григорьев, А.Д. Таиров, С.Г. Боталов, Г.Х. Самигулов. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2002г. – С. 254–285.
3. Самигулов Г.Х. Деревянные постройки г. Челябинска XVIII века // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы междунар. науч. конф. / Ред. колл.:

- Р.Д. Голдина и др. – Ижевск: Изд-во Ин-та экон. и управл. УдГУ, 20-02в. – С. 238–245.
4. Самигулов Г.Х. Знаки на керамической посуде XVIII–XIX вв. из культурного слоя Челябинска // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы междунар. науч. конф. 6–10 окт. 2003 г. – Пермь: Б.и., 2003а. – С. 173–174.
 5. Самигулов Г.Х. Изменение состава материала в слоях г. Челябинска XVIII–XIX вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований / Ред. Татауров С.Ф., Тихонов С.С и др. – Омск: Наука-Омск, 2003б. – С. 233–235.
 6. Самигулов Г.Х. Изменения в керамической посуде Урала и Зауралья XVII–XIX вв. // Зыряновские чтения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Ред. колл.: Могутнов В.П. и др. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003в. – С. 32–34.
 7. Самигулов Г.Х. Некоторые архаичные черты в русской культуре XVII–XIX вв. (по материалам Урала и Сибири) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: Сб. науч. статей. – Уральск, 2003г. – Вып. 2. – С. 40–46.
 8. Самигулов Г.Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.В. Татауровой. – Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та. – 2002а. – С. 133–136.
 9. Самигулов Г.Х. Православные кресты из культурного слоя XVIII в. («старообрядческие» кресты) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II-й регион. науч.-практ. конф. / Ред. А.Д. Таиров и др. – Челябинск: Рифей, 2004б. – С. 190–193.
 10. Самигулов Г.Х. Финно-угорские элементы некоторых погребений первопоселенцев г. Челябинска // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Тезисы докладов регион. науч.-практ. конференции / Ред. А.Д. Таиров и др. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ. – 2002б. – С. 191–193.
 11. Самигулов Г.Х., Мишин С.А. Некоторые железные изделия из культурного слоя Челябинска XVIII–XIX веков // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II-й регион. науч.-практ. конф. / Ред. А.Д. Таиров и др. – Челябинск: Рифей, 2004. – С. 193–196.

Сдано в печать 03.05.2005 г. Формат 60x84x16.
Усл.печ.л. 1,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано ООО “Олби-плюс”,
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Энтузиастов, 6

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1